

В классе с Ли Чжи никто не хотел общаться.

С одной стороны, мешал его собственный характер: замкнутый, нелюдимый, из-за чего парень казался угрюмым. Впрочем, тут все зависело от человека. Тот же Чу Минчжан тоже вечно помалкивал, но вокруг него почему-то всегда вилась толпа.

С другой стороны, его происхождение считалось позорным.

В подобной школе, где у каждой семьи за душой водился приличный капитал, к вопросам законнорожденности относились с особым трепетом, а к бастардам — с чистоплюйским отвращением.

Хуже всего было то, что его единокровный брат, Чжоу Баюй, считался местной знаменитостью. Вместе с Хань Цзыяо и Чу Минчжаном они составляли золотую троицу школы: баснословно богатые наследники влиятельных семей, статные и чертовски привлекательные.

Какая несправедливость: эти люди с самого рождения не знали преград. И пускай остальные втайне исходили завистью, они все равно жаждали оказаться на их месте.

Неудивительно, что у обаятельного и щедрого Чжоу Баюя всегда хватало подпевал.

Все вокруг дружно сочувствовали «бедному» старшему молодому господину Чжоу. Боже, какая трагедия! Мать погибла в автокатастрофе, а отец притащил в дом любовницу с нагулянным ублюдком. Пришли на все готовенькое, лишили парня законного гнезда — какое бесстыдство!

Баюй — несчастная жертва, мачеха — коварная змея, ее сын — паршивый выскочка.

Но Ли Чжи ведь ничего не сделал. Он не зарился на наследство Чжоу, не собирался отбирать чужое. Если бы его воля, он прямо сейчас вернулся бы в свой привычный мир — захудалый, обшарпанный жилой комплекс, где вечно судачили сплетницы, а во дворе слонялись неотесанные мужики с голым торсом.

Только кого волновало его мнение?

Клеймо незаконнорожденного казалось первородным грехом, искупить который можно было лишь смертью.

Изгойство стало его естественным состоянием.

Ли Чжи не был немым, но обстоятельства заставили его замолчать. Эта вынужденная немота невыносимо терзала душу. На его губах словно висел тяжелый замок. Любой из окружающих мог бы легко отомкнуть его, проявив хоть каплю тепла, но только не он сам.

Те дни оказались куда страшнее первых недель учебы. Поначалу одноклассники его просто игнорировали, но хотя бы держали за человека и при необходимости перебрасывались парой слов. Теперь же все изменилось.

К нему относились как к назойливой мухе или помойной крысе. Стоило ему приблизиться, как веселый смех мгновенно стихал. На него косились с брезгливостью, демонстративно отодвигались в сторону, а некоторые, особо наглые, издевательски зажимали нос при его появлении.

Ли Чжи тогда даже умывался с опаской — боялся задеть глаза.

Они распухли так, что любая попытка прикоснуться отзывалась острой болью, но слезы продолжали катиться сами собой. Сначала он еще сдерживался до конца уроков, чтобы выплакаться в одиночестве в общезжитии, однако со временем удушливая обида стала терзать его непрерывно, не давая передышки.

В конце концов плотина рухнула. Во время обеденного перерыва Ли Чжи уткнулся лицом в скрещенные на парте руки, делая вид, что спит, и тихонько зарыдал. Сперва он пытался подавить всхлипы, но вскоре слезы хлынули безудержным потоком. Он плакал навзрыд, задыхаясь от рыданий, пока пальцы рук и ног не онемели от холода.

Он рыдал так отчаянно, что даже не услышал, как приоткрылась дверь. Лишь когда шаги раздались совсем близко, Ли Чжи опомнился. В голове гулко зашумело, дыхание перехватило от ужаса.

Остатки здравого смысла подсказывали: изнеженная золотая молодежь редко возвращается в класс во время перерыва. Но из любого правила бывают исключения — и именно сегодня удача от него отвернулась.

Из-за опухших век Ли Чжи едва мог разлепить глаза. Сквозь пелену слез он разглядел лишь два высоких силуэта — парня и девушку.

Юноша постоял немного и молча вышел. Девушка о чем-то тихо спросила. Ли Чжи соображал туго, голова была словно забита ватой, а когда он наконец попытался выдать ответ, незнакомка уже неловко ретировалась.

Какое-то время он просто сидел неподвижно, заставляя бешено колотящееся сердце успокоиться. Затем насухо вытер слезы и открыл задачник. Но едва кончик ручки коснулся бумаги, как буквы поползли в разные стороны кривыми каракулями.

Только тогда он заметил, как сильно у него дрожат руки.

Мысли о том постыдном случае долго не давали ему покоя. Когда эмоции улеглись, он без труда сообразил, кто именно застал его в тот момент.

Одно воспоминание о том, как жалко он выглядел, заставляло его сгорать от стыда при каждой случайной встрече с ними. К счастью, эти двое, хоть и считались в школе принцем и принцессой чистейших кровей, никогда не опускались до дешевых сплетен или издевок.

Они вели себя как ни в чем не бывало. Тот злополучный полдень так и остался незначительным эпизодом, канувшим в небытие без единого всплеска, словно оброненная в океан иголка. Спустя пару дней Ли Чжи и сам почти выбросил это из головы...

Пока Гун Цзе не заговорила с ним первой.

— Ли Чжи, — нерешительно произнесла она, протягивая ему шуршащий крафтовый пакет. — Это домашнее печенье, я сама испекла. Хочешь?

В первый год обучения программа была необременительной, домашних заданий задавали мало, зато внеклассных кружков работало великое множество. Это печенье Гун Цзе приготовила на занятиях кулинарного клуба.

Девушка так и застыла с вытянутой рукой — Ли Чжи оцепенел. Прошло немало времени, прежде чем он выдавил из себя фразу, которая заставила Гун Цзе растеряться:

— Ты... ты со мной разговариваешь?

Они сидели за одной партой уже полмесяца, но, признаться, она впервые услышала его голос. Он звучал тихо, как дуновение ветра, но на удивление приятно.

— Ну да, — кивнула Гун Цзе. — Тебе.

Парень помедлил еще немного и словно очнулся ото сна. Он протянул обе руки и одеревенелыми пальцами принял пакет.

А затем невероятно серьезно и искренне произнес:

— Спасибо.

Стояла пятница. Ли Чжи бережно принес подарок домой. В особняке Чжоу в тот вечер царила блаженная тишина: Ван Сяочунь улетела со своим мужем, Чжоу Госюном, в Цюрих, а Баюй зависал с Хань Цзыяо в компьютерном клубе. Ли Чжи закрылся в своей комнате, наслаждаясь редким покоем.

Печенья в пакете было много, но он позволил себе съесть лишь одну штучку.

В качестве ответного жеста он решил подарить коробку импортного шоколада, которую Ван Сяочунь когда-то привезла ему из Франции.

Сладости пылились у него в мини-холодильнике уже добрый месяц. Иногда, когда хотелось чего-нибудь вкусного, он доставал коробку, любовался ею и убирал обратно.

Причина была проста — берег для особого случая.

Хотя Ли Чжи жил в доме Чжоу уже два года и официально носил статус молодого господина, в глубине души он оставался все тем же прежним мальчишкой. Ван Сяочунь отличалась крутым нравом, но деньгами сына не обделяла: карманных расходов ему выделяли ровно столько же, сколько и Чжоу Баюю.

Вот только Ли Чжи совершенно не умел их тратить. Не то чтобы ему запрещали — он просто не представлял себе, куда девать такие суммы.

Его мать взлетела по социальной лестнице мгновенно, с легкостью примерив роль изысканной светской дамы, но сделала этот шаг настолько стремительно, что сын за ней не поспел. Мир роскоши, блеска и светского лоска оставался для него чуждым.

На теперешние карманные деньги он мог бы завалить свою комнату подобным шоколадом до потолка, но привычка брала свое: видя дорогие вещи, он по-прежнему думал лишь об одном.

«Не купишь, не попробуешь».

Порой, тяжело вздохнув, он уже собирался уйти, как вдруг спохватывался, что кошелек набит купюрами. В порыве смелости он хватал приглянувшийся товар, но у кассы его снова душила жаба. Под недовольными взглядами продавцов он робко возвращал вещь на полку и поспешно ретировался.

Он оставался все тем же упрямым, зажатым ребенком, не способным переломить собственные привычки. Ему отчаянно требовался проводник, который за руку ввел бы его в этот чуждый, пугающий мир. По идее, этой ролью следовало заняться Ван Сяочунь, но у вечно занятой, импульсивной матери не хватало на сына ни времени, ни терпения.

До сих пор его самой безумной тратой оставался новенький айфон, купленный на каникулах после окончания средней школы. В ту ночь он так увлекся обновкой, что просидел до самого утра, а потом проспал до четырех часов дня, проснувшись с тяжелой, гудящей головой.

Бережно проведя пальцами по тисненым золотым буквам на коробке, Ли Чжи аккуратно опустил ее в подарочный пакет, добавив туда небольшое письмо.

В воскресенье днем ученики возвращались в школу. Предыдущую ночь он почти не смыкал глаз от волнения. Поймав момент перед тем, как Гун Цзе собиралась уйти на очередной кружок, Ли Чжи резко, словно пружина, вскочил из-за парты и позвал ее:

— Гун Цзе!

Девушка замерла у двери и удивленно обернулась:

— Да?

— Это... держи, — Ли Чжи протянул ей пакет, чувствуя, как немеет язык. — Тебе.

Гун Цзе стояла в окружении подруг, всегда привлекавших к себе лишнее внимание. Теперь же вся стайка разом умолкла, уставившись на них. Десятки любопытных глаз впились в изящную, многообещающую упаковку в руках парня.

Среди этого шквала чужого внимания Ли Чжи внезапно поймал еще один взгляд, которого никак не ожидал встретить. Сзади, со своего места, на него в упор смотрел Чу Минчжан.

Сердце предательски заколотилось, ладони мгновенно взмокли. Ли Чжи судорожно сглотнул:

— С-спасибо за печенье... А это...

— Это в ответ, — закончил он совсем тихо, едва ли не шепотом.

— А, точно! — сообразила наконец Гун Цзе. — Да брось, пустяки какие... Но все равно спасибо, я возьму!

Схватив пакет, она поспешно выскочила в коридор. Окружавшие ее одноклассники начали расходиться, одаривая Ли Чжи двусмысленными, презрительными взглядами.

В этих глазах читалось неприкрытое пренебрежение: «Знай свой шесток».

Его явно приняли за очередного воздыхателя, решившего приударить за популярной девочкой.

Впрочем, быстро переварив новость, большинство ребят решили просто посмеяться. Ли Чжи и Гун Цзе? Да он, должно быть, бредит наяву, если всерьез на что-то рассчитывает.

Однако то, что случилось на следующий день во время обеденного перерыва, окончательно повергло всех в шок. Ли Чжи уже собирался ускользнуть в общежитие, чтобы пообедать привычной лапшой быстрого приготовления, когда Гун Цзе вдруг окликнула его при всех:

— Ли Чжи, пойдем пообедаем вместе?

Стоявшие рядом подруги опешили. Одна из них даже отшатнулась, а ее голос сорвался на визг:

— Гун Цзе, ты это серьезно?

— Мы просто поедим вместе, — пожала плечами та.

— Ну и сиди с ним, — брезгливо фыркнула подруга, скрестив руки на груди. — А я с вами не пойду.

Дурной пример оказался заразительным: за первой увязались вторая и третьи, и уже через минуту от прежней компании не осталось и следа. Ли Чжи замялся, чувствуя себя невероятно неловко. Он открыл было рот, чтобы вежливо отказаться, но Гун Цзе опередила его:

— Вот и отлично, вдвоем пойдем. На третьем этаже столовой открыли чудесное тайское кафе, пробовал? Там отменный карри с крабом, пальчики оближешь. Пошли скорее!

Она не дала ему вставить ни слова. Под ошеломленными взглядами одноклассников Гун Цзе решительно увлекла его за собой прочь из класса.

В тот день Ли Чжи впервые обедал в школе не один.

В тот день он обрел своего первого и самого преданного друга в жизни.

<http://bllate.org/book/20441/2112098>